

Татьяна Попова

**К АНАЛИЗУ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

*Новое не в том, что сказано,
а в событии его возвращения.*

Мишель Фуко

Предваряющий штрих: “Региональный подход” к исследованию культурно-исторических процессов – знаковая черта современной науки. Ее проекция, с одной стороны – в интересе к “локальному” в его “тотальности” как проявлению ведущей тенденции современной историографии, нацеленной на анализ индивидуально-неповторимого своеобразия исторического бытия, с другой – в осмыслении проблемы “центр-регион” со всей непростой конфигурацией ее содержательного ядра.

Для изучения историографического процесса в Украине XIX – начала XX веков – периода профессионализации исторического знания, институционализации исторической науки, формирования “дисциплинарного семейства” исторических наук – региональный подход особо значим, ибо ее “территориальные образования” – “культурно-пространственные ландшафты” – Малороссия, Слободская, Правобережная и Южная Украина, Крым не только представляли собой специфические историко-географические “конгломераты” со своей собственной “исторической судьбой”¹, но и выступали “объектами” (наряду с другими) конкретно-ориентированной правительственной политики, которая в рамках Российской империи (как, впрочем, и в других “имперских” – многонациональных – державах) не могла не иметь выраженной региональной специфики (в ее эволюции)².

Одновременно “региональный ракурс” фокусирует внимание на “горизонталь” отношений представителей “исторического цеха” между:

¹ См.: *Оглоблин О.* Проблема схеми історії України XIX – XX століття (до 1917 року) // *Український історик.* – 1971. – № 1-2. – С. 9.

² См. об этом: *Шандра В.* Про зміст наукового понятійного апарату до історії України останньої чверті XVIII – початку XX ст. // *Сучасна українська історіографія: проблеми методології та термінології: Матеріали Всеукраїнського науково-методологічного семінару (Київ, 17 червня 2004 р.).* – К., 2005. – С. 96-107; *Имперский строй России в региональном измерении (XIX –*

1) "двумя мирами" одного народа в границах двух империй – “Украиной российской” и “Украиной австрийской”; 2) "культурными мирами" представителей многонационального научного сообщества общероссийской историографии в целом; 3) "историографическими ареалами" Востока и Запада – связи и взаимовлияние в контексте общеевропейского научного поля; а также на “вертикаль” – взаимосвязь двух векторов в формировании историографического пространства: “снизу” (“регион”) и “сверху” (“центр”). Все эти линии, переплетаясь в противоречиях и симбиозе, создавали сложный узор региональной самобытности.

Историографический постулат: “Региональная составляющая” в историографических исследованиях на сегодняшний день чаще всего определяется понятием *региональная историография*³. Первая проба экспликации этого понятия в современной украинской литературе была предпринята И.И. Колесник. Исходная идея автора – применение данного понятия в разнообразных контекстах, что способствует обогащению его “содержательного поля”. В истории исторической науки эта категория соединяет частное и общее, национальное и тотальное и представляет собой определенное пространственно-временное выражение единого историографического процесса. Акцентируя проблемы “самобытности”, данная категория, в конечном счете, способствует изучению локального в контексте общеисторического, общекультурного⁴.

Появлению этой категории, по мнению И.И. Колесник, способствовали две группы факторов. Первая связана с процессами самоидентификации локальных общностей на территории бывшего союзного государства, созданием новых независимых государств и становлением в их рамках национальных историографий. Понятие регионального в этих условиях выступает как способ самоопределения локального, национального во всемирном процессе, преодоления провинциализма и интеллектуальной изолированности. Вторая группа факторов связана со спецификой развития историографического процесса последней трети XX века, которая заключается в расширении локальных исследований. Имея давнюю историографическую традицию, локальная история как область исторических исследований прошла путь от простого собирательства древностей и описаний местной истории в XVIII в. до разведок академического уровня в конце XIX в. Но если в первой половине XX в. локальные исследования занимали второразрядное место в официальной

начало XX в.: Сборник научных статей / Отв. ред. Савельева П.И. – М., 1997; *Резніт О.П.* Україна в імперську добу (XIX – початок XX ст.). – К., 2003 и др.

³ О названиях региональной составляющей историографических исследований см. подробнее: *Попова Т.Н.* Историографический процесс в региональном измерении: подходы и понятия // *Историко-географічні дослідження в Україні: Збірка наукових праць.* – Число 7. – К., 2004. – С.290-324.

⁴ См.: *Колесник І.І.* “Регіональне” як чинник формування української національної історіографії // *Записки исторического факультета.* – Выпуск 1. – Одесса, 1995. – С.66.

историографии, то за последние три десятилетия их статус коренным образом изменился. Сейчас локальная история переживает “второе рождение”, что связано с влиянием методологических новаций “новой исторической науки”: смена историографических приоритетов – обращение к антропологически ориентированной социальной истории, внедрение принципов междисциплинарной методологии, стремление к реализации в историографической практике идеалов тотальной истории, предложенной французской школой “Анналов”.

В широком значении слова *региональная история науки* на примере Украины, по мнению И.И.Колесник, означает изучение прошлого науки как самостоятельного социокультурного организма, отделенного от таких структур, как российская, польская, австрийская историческая наука. В узком значении это понятие может использоваться для изучения прошлого науки в конкретном регионе, родном крае. Региональное в широком социокультурном значении предстает как общее. Этот тезис на примере украинской исторической науки И.И.Колесник иллюстрирует следующим образом: в своих научных формах украинская историография возникает в XVIII в., но в Левобережной Украине, включенной в состав Российской империи, украинская историография существует как *проблемная*, т.е. как определенное направление общероссийской исторической науки. Эта ситуация отражена и в самосознании украинских деятелей культуры того времени⁵. Однако, если рассматривать становление украинской историографии в контексте украинского национального возрождения, то она выступает уже как региональная в широком значении этого слова в сравнении с российской, немецкой, польской исторической наукой того времени, т.е. как составная часть, локальное проявление всеобщего историографического процесса. Одновременно украинская историография имела и свою локальную специфику, что связано с характером влияния национального возрождения на процесс исторических исследований и обусловлено структурой украинских земель, особенностями их социокультурного развития⁶. Разница между региональным и краеведческим, по мнению И.И.Колесник, заключается в том, что “регіональне охоплює риси суспільного через вивчення локального об’єкту, а краєзнавче фіксує насамперед поодинокі, унікальні, неповторні на місцевому матеріалі”⁷.

Таким образом, категория *региональная историография*, в восприятии И.И.Колесник, означает собой проекцию понятия локальная история на область истории исторической науки, способ осмысления всеобщего

⁵ См.: Там же. – С. 68-69; Колесник І.І. Українська історіографія. XVIII – початок ХХ століття. – К., 2000 и др.

⁶ См.: Колесник І.І. “Регіональне” як чинник формування української національної історіографії. – С. 69-78.

⁷ Там же. – С.79

историографического процесса через национальное, локальное, что составляет предпосылки для нового историко-научного синтеза. В предмет *региональной историографии* входит: состояние научных и учебных учреждений, характер исследовательской работы в различных областях исторического познания – археологии, истории, украиноведения, востоковедения, славяноведения, византиноведения, медиевистики⁷.

Я.Верменич рассматривает *региональную историографию* как научное направление, которое предметно исследует закономерности становления и развития исторической мысли в конкретных регионах и процесс исследования региональной специфики. Одновременно региональная историография выступает, по ее мнению, и как подсистема страноведения (поскольку регион – часть страны). Справедливо отмечая, что подобное наиболее обобщенное определение все-таки не дает ответа на вопрос об объекте изучения (т.е. “региональная историография” – это наука в регионах или о регионах и проч.), Я.Верменич предлагает, исходя из потребностей исследовательской практики, размежевать сферы научного поиска. От “региональной историографии”, по ее мнению, следует “отмежевать”: 1) “историографию региональных исследований”, в сфере внимания которой должны быть вопросы обобщения развития научного знания в регионах; 2) “проблемную историографию регионов”, которая должна заниматься исследованием в историческом разрезе региональной специфики и обобщением знаний о регионах. Представляя соотношение проблемных полей исторической регионалистики и исторического краеведения в виде пересекающихся окружностей, Я.Верменич считает, что в значительной мере за пределы краеведения выходит та сфера региональной историографии, которая исследует региональные особенности развития исторической мысли, закономерности разных этапов исторического познания, теоретико-методологические принципы, характерные для научных школ и проч.⁸.

Ремарка-тезис 1: Категорию *региональная историография* следует воспринимать, выделяя онтологический и гносеологический ракурсы ее рассмотрения. Двумерная ипостась бытия региональной историографии включает: первый образ – как некую реальность историографического процесса в его локально-хронологическом измерении и второй образ – как рефлексию первого. Их взаимосвязь и относительная автономность детерминируют на исследовательском уровне разъединения понятий региональной историографии как объекта изучения от региональной историографии как результата познавательного процесса с соответству-

⁷ Там же. – С.78-79.

⁸ См.: Верменич Ярослава. Регіональна історіографія: зміст і структура поняття // Історіографічні дослідження в Україні. – Випуск 11. – К., 2002. – С.253-254; Она же. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. – К., 2003. – С.54.

ющим наполнением “содержательного поля” и адекватными “наименованиями”. Поскольку историографический процесс признан большинством ученых аналогом понятия “история исторической науки”, шире – исторического познания как сложно-структурированного социо-когнитивного явления, постольку его локально-временная составляющая – *региональная историография* – “подчиняется” той же номенклатуре исследовательских подходов и находится в одной “плоскости” стратегических задач.

Ремарка-тезис 2: Развитие исторической науки в регионах выступает в качестве составляющей единого историографического процесса, “региональное измерение” которого предстает неким цельным явлением, поскольку универсализм, трансформируясь на “местной почве”, создает свой неповторимый “облик”, детерминируя видовые характеристики такого своеобразного культурного феномена как региональная историография, которая складывается и развивается под влиянием широкого спектра факторов когнитивного и социокультурного характера, в столкновении “центробежных” и “центростремительных” сил.

“Реконструкция” истории региональной историографии, осуществляемая в результате историографического синтеза, предполагает изучение широчайшего спектра проблем. Как историографическое явление региональная историография возникает на пересечении многих составляющих: это – структура проблематики исторических исследований в регионе, соотношение проблемных направлений, детерминированность этого процесса; эволюция инфраструктуры исторической науки в регионе – специфика складывания, виды и состав научного сообщества историков, типы ученых-историков, характерные для данного региона, возникновение научных школ и направлений, становление системы исторических учреждений, подготовки кадров-историков, роль университетских центров в организации научных исследований и популяризации исторических знаний, создание корпуса источников, учреждение архивных и библиотечных фондов в регионе, установление и действие научных связей, формы коммуникации; общественный интерес к истории в местной интеллектуальной среде, формы организации и деятельности историков-любителей, взаимосвязь профессиональной науки с сообществом исследователей-непрофессионалов, поддержка исторической науки со стороны администрации региона, “региональное меценатство”; престижность региональной историографии в рамках общенациональной историографии, роль академических и университетских столичных центров в организации и развитии исторических исследований в регионе и проч.

Анализ региональной историографии предполагает разработку таких направлений историографических исследований как проблемная историография, история исторических учреждений и исторического образования, биоисториография и др. Все эти линии, синкретически составляющие облик региональной историографии, должны формиро-

вать предметы специальных исследований. Принципиально важным научным направлением в контексте современной историографической ситуации выступает т.н. “дисциплинарная история”.

Экскурс первый: *Будущее истории исторической науки и исторического познания в целом рассматривается в современной литературе с точки зрения радикального обновления исследовательской программы и доктринально-дисциплинарных основ. Острие историографической рефлексии должно быть сориентировано не на “инвентаризацию” исторических концепций, направлений и школ, а на качественные изменения в познавательной деятельности историков, анализ т.н. “поворотов” и “вызовов”, перманентное появление “новой исторической науки”, эволюцию конкретно-исторических форм и способов историописания. Историческая наука в данном контексте должна выступать как сложная интеллектуальная система с неизбежной трансформацией своих формальных и содержательных признаков и структуры отдельных ветвей исторического знания, но, одновременно, с сохранением гетерогенности – “существованием в рамках академического сообщества историков”, идентифицирующих себя с различными дисциплинарными, методологическими, идейно-политическими, социальными и прочими “группировками”¹⁰.*

В традициях западной науки проблемное поле истории исторической науки входит относительно автономным блоком преимущественно в систему интеллектуальной истории. Под влиянием “лингвистического поворота” и трудов по “новой исторической критике” произошла радикальная трансформация истории исторического познания: приоритетным направлением стало изучение дискурсивной практики историков. Перспективу приобретения нового качества ученые связывают с возможностью превращения истории историографии (в данной формуле термин “историография” – синоним исторической науки) в “по-настоящему самостоятельную и самоценную историческую дисциплину” с новым наименованием – “клиография” или “клиология”. Последнее название отражает тенденцию сочетания историко-историографических, методологических и эпистемологических проблем, имеющую место в конкретной практике последних десятилетий¹¹.

Новое бытие истории исторической науки рассматривается и в качестве рефлексивного компонента общего “историографического дискурса” – широкого понятия, включающего практику историописания и рефлекссию относительно этой практики. С одной стороны, под углом зрения

¹⁰ См.: Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П.Репиной и В.И.Уколовой. – Выпуск 1. – М., 1999. – С. 261.

¹¹ Релина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Там же. – С. 10.

“лингвистического поворота” историография в традиционном своем облике, возможно, предстает в качестве “интеллектуального раритета советской исторической науки”, само имя которой напоминает “научный антиквариат”, но с другой – историография с ее традиционным опытом выступает как “синхрон и аналог западной нарратологии”. Эти области знания, с их универсализмом и одновременно спецификой, можно воспринимать как науковедческую (историография) и лингвистическую (нарратология) рефлексию исторической науки. Изменение в современной интеллектуальной ситуации прежнего образа историографии (с преобладанием экстерналистского подхода к истории идей и проч.), тем не менее, не должно сопровождаться утратой достояний и приобретений длительной историографической традиции¹².

Перед историками сейчас стоит сложная задача преодоления разнонаправленности субдисциплинарных векторов с целью выбора новой перспективы, которая была бы способна их “переориентировать и упорядочить, но не игнорировать”. Решение этой задачи затрудняется тем, что в процессе “дисциплинарного переопределения” отношения между “старыми” и “новыми” областями исторического знания должны бы строиться по “концертному” принципу, однако в реальной “...практике происходит постепенный сдвиг в пользу принятия теоретико-методологических новаций (средствами частичной адаптации и пр.)”¹³.

“Перестройка интеллектуального содержания” любой состоявшейся научной дисциплины, т.е. стремление по-новому понять ее проблематику, эвристические возможности и устранить источники, угрожающие ее когнитивному статусу посредством объединения с другими исследовательскими областями эффективны лишь в том случае, если данная дисциплина сможет “повысить уровень своего интеллектуального содержания”, не потеряв при этом “собственных когнитивных границ”, “служебной функции”, ресурсов; “уход” выдающихся ученых, специалистов в данной области, реорганизация факультетов, изменение состава научного сообщества в силу различных причин, непосильное принятие на себя новых “сверхзадач” и проч. – “опасны” для бытия дисциплины¹⁴. Многие из этих факторов, к сожалению, имеют место в современной действительности историографии как истории исторической науки...

¹² См.: Колесник І. Історіографічний дискурс в Україні: реалії та прогнози // Сучасна українська історіографія: проблеми методології та термінології. – С.22-23, 31-34.

¹³ См.: Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Выпуск 2. – М., 2000. – С.8; Зверева Г.И. Указ. соч. – С.262.

¹⁴ Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты. Сборник переводов / Составители, общая редакция и вступительная статья Э.М.Мирского и Б.Г.Юдина. – М., 1980. – С.143-145.

Стратегия историографии по поддержанию своего дисциплинарного статуса предполагает обращение к своей собственной дисциплинарной истории. Проблема дисциплинарности стала предметом специальных разработок американских, европейских и советских ученых в 1960–1980-е годы и вошла в структуру науковедческих исследований как самостоятельное направление, включившее в своей ареал “дисциплинарную историю”¹⁵. С 1990-х годов в украинской и российской историографии явственно обозначилась тенденция активного освоения науковедческого теоретико-методологического аппарата. Однако дисциплинарная история исторических дисциплин, ставшая предметом рефлексии и для историков и определившая уже вполне очерченное направление специальных исследований, в основном сохранила традиционные подходы (что не умаляет их познавательной ценности); работы, в которых использованы новые исследовательские методики, единичны¹⁶.

Сложные процессы дифференциации и интеграции научного знания привели к тому, что некогда фундаментальные науки превратились в мегадисциплины – “дисциплинарные семейства”. Изучение этого явления выдвигает ряд проблем: какова структура “семейства”; можно ли выделить типологию их формирования, едины ли закономерности складывания мегадисциплин; какими факторами обусловлен процесс выделения новых дисциплин, каково их соотношение в “семействе” и какова их дисциплинарная функциональность по отношению к родовой науке и друг другу; всегда ли учебная и научная дисциплина соединяются в двуликий образ конкретной науки; как происходит процесс “дисциплинизации”; по каким параметрам можно разъединить понятия: “научная

¹⁵См.: *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – М., 1980; *Сычова Л.С.* Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. – Новосибирск, 1984; *Дисциплинарность и взаимодействие наук.* – М., 1986; *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки. – М., 1988; *Functions and Uses Disciplinary Histories.* – Boston, 1983 и др.

¹⁶См.: *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). – М., 1966; *Он же.* История зарубежной этнографии. – М., 1978; *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1983; *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700-1917. – Санкт-Петербург, 1992; *Заремба С.З.* Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – К., 1996; *Чишко В.С.* Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – К., 1997; *Колесник І.І.* Українська історіографія. XVIII – початок XX століття. – К., 2000; *Матяш І.* Архівна наука і освіта в Україні 1920-1930-х років. – К., 2000; *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. – Дніпропетровськ, 2003; *Українська фалеристика. З історії нагородної спадщини. У двох книгах.* – Книга перша. – К., 2004; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. – К., 2005; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методики. – Число 13. – Ч. 1. – К., 2006 и др.

область”, “научная отрасль” “научное направление”, “исследовательская программа”, “научное движение”, “научная дисциплина” и т.п., и тем самым определить этапы в процессе дисциплинарности; по каким критериям следует констатировать стадию “дисциплинарности”; какова типология “размывания” дисциплинарно-доктринального статуса; каково соотношение проблемной и дисциплинарной организации науки, “проблемного” и “дисциплинарного” образов науки; каков механизм проблемно-дисциплинарного взаимодействия в формировании новых областей знания и т.п. Эти проблемы имеют не только академический интерес: их социальный аспект связан с конкретной политикой в области науки вообще, со статусом каждой из научных дисциплин, перспективой их развития, “престижностью” в социокультурном пространстве той или иной эпохи и проч.; их когнитивный аспект связан с эволюцией единого познавательного процесса и трансформацией его проблемно-предметно-объектных блоков и т.д. Многие из этих проблем уже получили свое теоретическое и эмпирическое “видение” в “науке о науке”.

Историческая наука как мегадисциплина и “дисциплинарное семейство” еще ждет своего многомерного анализа, оптимальность которого будет зависеть от степени разработки “дисциплинарной истории” конкретных исторических дисциплин – всего многообразия ветвей исторического познания, в том числе – его важнейшего видового – знания о самом историческом знании и процессе его развития – истории исторической науки. От того, насколько полно мы будем знать, каким было научное сообщество историографов “вчера”, какой образ своей науки ими был выработан, как эволюционировали представления специалистов-историографов, их лексикон – “язык” науки, стиль мышления, способы “деконструкции” текстов; как изменилась организационная система, формы коммуникации, система преподавания и подготовки кадров специалистов-историографов и проч. – зависит дальнейшее “дисциплинарное развитие” историографии, а вместе с ней и развитие всего комплекса исторических дисциплин.

При этом особо важен аспект культурологический, отражающий национально-региональную специфику “дисциплинарного бытия” конкретной ветви знания, особенности процесса структурирования национальных “дисциплинарных миров” и соответственно их “региональных составляющих”.

Экскурс второй: На протяжении XIX – XX веков произошла глобальная переориентация в характере исследования науки. От изучения науки как инвариантной системы знания перешли к изучению вариативности феноменов науки. Два классических подхода к изучению науки – когнитивный и социальный – оформились как оппозиционные направления практически в одно время (тридцатые годы); первый – интернализм, продержавшись на приоритетных позициях в сороковые-пятидесятые, стал уступать с середины шестидесятых годов место экстернализму, для того, чтобы с семидесятых закружиться в разнообразии парных configura-

ций. Параметрический, социокогнитивный образ науки в общей тенденции утверждающейся новой “постмодерной” эпохи – соединения ранее несоединимого – решительно заявлял о своих правах.

С 1970-х годов между ведущими отраслями науковедения – философией, социологией и историей науки стали “исчезать” жесткие демаркационные линии. После выхода работ Т.Куна (который сделал в итоге социологическую категорию “научное сообщество” основой своей историко-научной концепции) и И.Лакатоса (который провозгласил: “Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа”¹⁷) исторический ракурс рассмотрения философско-социологических проблем науки становится ведущим. Огромный массив категорий, выработанных в сфере философии и социологии науки (парадигма, исследовательская программа, научное сообщество, кластеры, институционализация, дисциплинарная матрица и т.п.), в связи с “историзацией” философско-социологических исследований получает свое “второе дыхание”, одновременно поставляя новые импульсы историографии науки, в том числе – ее видовым подразделением.

Тенденция “сближения”, “соединения”, “слияния” проявлялась в развитии междисциплинарных исследований, которые, сокрушая дисциплинарные барьеры, приводили к трансформации всей системы научного знания – процесса со сложным взаимодействием центробежных и центростремительных сил. Обратной стороной всей истории науки в XX веке – истории ускоряющегося процесса появления “многих наук”, “многих математик”, “многих историй” и т.п. – стали поиски синтеза как на концептуальном, так и на теоретико-методологическом уровнях. Само науковедение, особенно в отечественной и российской традициях, превращаясь в гиперсистему, выдвинуло тезис об изучении науки в рамках единого социокультурного анализа, предполагающего, с одной стороны, “многомерность” в качестве основополагающего принципа исследования науки, а с другой – синтез различных подходов (логико-методологического, социологического, социально-психологического, культурологического и проч.). Одновременно стал набирать темпы процесс (и уже не только на уровне интеллектуального обоснования) создания новых дисциплин интегрального характера: исторического науковедения, эпистемологии истории (на основе слияния историографии и методологии истории), исторической социологии, историософии, историологии, клиологии и др.

В историко-научных исследованиях происходила эволюция основных моделей исторической реконструкции науки: кумулятивную (кумулятивистскую) модель потеснила “революционная”, последнюю – ситуационные исследования (“case studies”), которые получили много

¹⁷ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. – М., 1978. – С. 203-269.

вариантов своего осущетвления на основе различных методологических платформ. Их объединил иной ракурс “прошлого” науки: отнюдь не новая идея “уникальности” в истории, выдвинувшая идиографический метод в исторических исследованиях, приобрела новое звучание. В работах на основе “case studies” 1980-1990-х годов существенным образом трансформировалось понятие единства и непрерывности в истории: отдельное, уникальное явление стало рассматриваться как некое средоточие всеобщности: “локальность” в “тотальности” и “тотальность” сквозь призму “локальности”; мельчайший фрагмент прошлого приобретал свою самоценность, а не выступал только “предпосылкой” настоящего; “диалогичность” прошлого и настоящего, “общение” вместо “обобщений” стали выходить на передний план в осмыслении истории науки.

Вместе с тем, ситуационные исследования параллельно с утверждением плюралистической методологии на общем фоне культурно-исторического “перелома” во многом способствовали распространению идеи множественности “образов” науки, которая замкнулась на идею “множественности истин”, породив очередной виток бурного противостояния сторонников “модернистского” (рационалистического – так в самовосприятии) и “постмодернистского” типов мышления, гносеологических оптимистов и пессимистов-агностиков, революционеров-ниспровергателей и консерваторов-традиционалистов.

Если интеллектуальные катаклизмы рубежа XIX-XX веков внесли в историческую науку “исчезновение объекта”, то к рубежу XX-XXI веков заговорили об исчезновении самой “территории историка”: Текст заявил о своей самодостаточности, упразднив Автора, Историк-исследователь растворился в процессе историописания, а на арену рефлексивных баталий вышла рождающаяся на глазах новая цивилизация – гиперсистема дисциплинарно-институциональных нормативов, не только покрывшая создавшее ее человечество, но и заявившая о своей приоритетной роли в формировании “людского общежития” и всех его структур, включая самого субъекта истории со всеми бесконечно многообразными сферами его деятельности, в том числе – познавательными...

Проблема осознания границ и форм “сознательного” воздействия на формирование и развитие дисциплинарных и междисциплинарных комплексов, отдельных дисциплин, выявление и анализ механизмов дисциплинарной самоорганизации – как частная в глобальной проблеме “эпифеноменов” человеческой деятельности, форм их проявления и обратного воздействия – в качестве одного из вариантов “решения” может предполагать анализ “дисциплинарной истории” (историографии и ее регионального измерения) через исследование процессов институционализации.

Экскурс третий: Термин “институционализация с 1960-х годов вошел в западную социологию науки и в 1980-е годы утвердился в отечественном и российском науковедении. В 1990-е – спорадически, а с

2000-х годов этим термином достаточно широко стали пользоваться историки. Традиционно под институционализацией науки понимают процесс формирования науки как социального института. Различные трактовки категории "социальный институт", заимствованной социологами из юриспруденции, влияют на определение содержания процесса институционализации. При всей условности систематизации, можно выделить два направления в интерпретации этого вопроса. Представители первого – понятие "социальный институт" соотносят с понятием "социально-культурные установки", которые в своей совокупности детерминируют нормативность отношений в какой-либо сфере деятельности, в том числе – научной. Представители второго – делают акцент на организационные, "материализованные" структуры науки (систему учреждений и проч.), выделяя при этом два исторически сложившихся типа организации науки: внеинституциональный и институциональный. Последний – сторонники концепции "удревления" генезиса науки относят уже к античному периоду, отмечая эволюцию конкретно-исторических форм институционализации науки. Более традиционный подход – датировать процесс институционализации XIX веком, связывая его с "университетской", дисциплинарной формой организации науки¹⁸.

Длительное существование двух классических типов анализа науки – когнитивного и социального в рамках их альтернативности обусловило разделение предметных областей при изучении истории науки: как системы знаний (стадиально более ранняя традиция) – интеллектуальная история науки и как социального института – социальная история науки. При этом институционализацию обычно связывали только с социальными формами организации научной деятельности. Затем определилось понимание разных типов социальности в науке, что значительно расширило предметную область наукознания. В литературе появился тезис о многоуровневом подходе к изучению социальной природы науки: "внешнее" влияние социальных факторов на науку – традиционный подход; изучение (с 1960-х годов) "внутренней" социальности науки – через призму, с одной стороны, ее восприятия как общественного института (наподобие производственного, военного, политического и т.п.) и, с другой – возникновение научного знания внутри научного сообщества ученых; взаимодействие "внутренней" социальности науки с "внешней". Принципиально новой была постановка вопроса о том, как переносятся особенности внутренней социальности научного сообщества, занятого

¹⁸ См.: Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. – М., 1972. – С.216-218; Старостин Б.А. Параметры развития науки. – М., 1980. – С.50-53; Антипов Г.А. Понимание в структуре гуманитарного исследования // Проблемы методологии науки. – Новосибирск, 1985. – С.155-156; Жук С. І. Західна історіографія та епістемологічні проблеми історичної науки // Український історичний журнал. – 1994. – № 1. – С.45 и др.

производством знаний, на логическую структуру и содержание самого знания¹⁹.

С 1970-х годов в литературе четко обозначился переход от изучения отдельных параметров развития науки к анализу их совокупности. Проявлением этого “комплексно-параметрического”, или “социокогнитивного” подхода²⁰ явилось стремление раскрыть сложное взаимодействие социальных и когнитивных факторов развития науки: в менталитете ученых постепенно утверждался новый, “многомерный”, “параметрический образ” науки. В связи с этим обозначилось и новое понимание процесса институционализации, в котором стали выделять когнитивную и социальную стороны.

“Фактор институционализации” – понятие, введенное одним из основоположников социокогнитивного подхода Р.Уитли (Манчестерская школа социологов науки) для обозначения “способов схематизации действия и значений” в конкретной научной области, стало определяющим для изучения степени когерентности на когнитивном и социальном уровнях развития науки. В отличие от Т.Куна, который считал, что в “зрелой” науке существует единая и полностью сформулированная “парадигма”, и от попперианцев (К.Поппер, И.Лакатос, П.Фейерабенд), которые рассматривают науку как ряд конкурирующих и полностью разработанных теорий, Р.Уитли исходил из предположения, что в науке существует разнообразие когнитивных структур с различной степенью замкнутости, когерентности, формализации и различные уровни этих когнитивных структур, что оказывает определенное влияние на их развитие. Различные степени институционализации на разных уровнях, по его мнению, можно рассматривать в качестве критериев “восприимчивости” по отношению к новому, как уровни “защиты” от “вторжения” альтернативных представлений и интерпретаций научных результатов и т.п. Категория институционализации позволит выявить различия в “скорости распространения” определенных типов идей в различных видах когнитивной деятельности.

Исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности – когнитивного и социального, их “неразделимости” (Р.Уитли: “Ученые – существа социальные, и наука – социальная деятельность, причем научное понимание есть выражение этой социальной деятельности”), следует выделять и два “типа институционализации” – когнитивный и

¹⁹ См.: Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX – XX вв. – М., 1987. – С.7-8.

²⁰ См.: Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты. – С.113-114; Современная западная социология науки. Критический анализ. – М., 1988. – С.229; Огурцов А.П. История естествознания, идеалы научности и ценности культуры // Наука и культура. – М., 1984. – С.175 и др. Вряд ли стоит ставить знак равенства между этими понятиями, однако, на наш взгляд, их следует рассматривать в рамках единого подхода.

социальный: если когнитивная институционализация предполагает, в первую очередь, степень взаимопонимания между учеными на уровне когнитивных параметров науки (а, следовательно, способствует их объединению на исследовательском уровне), то социальная институционализация показывает степень интегрированности “интеллектуального движения” (научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности) в социальных структурах – в рамках университетских кафедр, учебных планов и проч. При этом подчеркивалось, что социальная институционализация – “возникновение и сохранение формальных структур, которые объединяют членов когнитивной структуры” – может наступить значительно позже, чем начнет формироваться структура “когнитивного взаимопонимания”. Таким образом, уровни когнитивной и социальной институционализации могут быть различны, но степень институционализации в когнитивном и социальном аспектах определяет в итоге степень институционализации научной области в целом. Р. Уитли рассмотрел эти вопросы в рамках анализа двух “сегментов” науки – исследовательской области и специальности, отмечая специфику процесса институционализации на разных организационных уровнях науки²¹.

Во второй половине 1980-х годов советские ученые, впервые приняв в мировой науковедческой практике комплексное исследование проблем дисциплинарности, сформулировали новое понимание процесса институционализации как “многомерного”, характерного для всех сторон науки – когнитивных, популятивных, коммуникативных и др. Ведущие линии этого процесса: 1) формирование специализированной автономной организации науки (системы учреждений с определенными нормативами их деятельности); 2) складывание “научных сообществ” со своей идеологией, ценностями и нормами, определяющими систему поведения и коммуникации между учеными; 3) установление взаимопонимания между членами научного сообщества в отношении целей и содержания своей научной деятельности. Когнитивные и социальные аспекты науки соединились в едином процессе ее формирования как социокогнитивной системы, а институционализация предстала в качестве “системообразующего фактора современной науки”²². Данные подходы неоднозначны, но и не противоречат друг другу, отражая, в конечном счете, общую тенденцию к “расширению” содержательного наполнения понятия “институционализация науки”.

По мнению большинства исследователей, указанные параметры институционализации приобретают свой заверченный образ на дисципли-

²¹ Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. – С. 220-228.

²² См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук. – С.102-106, 274.

лиарном уровне развития науки. Институционализацию как тип организации науки традиционно соединяют с понятием “научная дисциплина” как формой или уровнем ее организации, т.к. именно “дисциплинарность науки характеризует степень ее институционализации”, а сама научная дисциплина в этом случае рассматривается как “институциональная единица”²³. На дисциплинарной стадии своего развития наука приобретает системную определенность: складывается когнитивная система в неразрывном взаимодействии с организационной системностью научной деятельности. Так называемый “фактор институционализации” есть выражение “степени когерентности”²⁴ когнитивных и социальных аспектов науки как системы знания и социального института.

Ремарка-тезис 3: Исходя из комплексно-параметрического подхода к изучению науки, можно предложить следующую версию “научной дисциплины”. Это – определенная форма организации научных исследований, соответствующая конкретному уровню развития научного знания и научной деятельности, на котором отдельная научная область формируется в социокогнитивную систему, характеризующуюся следующими параметрами: 1) оформлением научного сообщества специалистов в данной области знаний, идентифицирующих себя со *своей* дисциплиной; 2) складыванием в научном сообществе конвенциональных основ в понимании содержания своей научной специализированной деятельности, выработкой общепризнанных канонов научных исследований (парадигмы), дисциплинарно-научных идеалов и норм; 3) формированием системы специализированных научных учреждений со своей идеологией и этосом; 4) возникновением системы профессионального специализированного образования, в которой закрепляется “учебный лик” данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы и осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов; 5) складыванием специализированной системы информационно-коммуникативных связей (научные формы общения – конференции и проч.; комплекс изданий, в том числе – научная периодика и др.); 6) обретением т.н. “гражданского статуса” – утверждением “имени” данной научной дисциплины и ее признанием как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума; 7) способностью научного сообщества данной

²³ Жоль К.К., Сиволоб Ю.В. Информация, общественные науки, управление (философско-экономический анализ). – К., 1991. – С.135; Шпигель-Резинг И. Стратегии дисциплины по поддержанию своего статуса // Научная деятельность: структура и институты. – С.117.

²⁴ Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. – С.220.

дисциплины вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса.

Социально, а затем – антропологически ориентированные “повороты” в научном познании обусловили выдвижение на первый план не “предмета науки”, а ее “субъекта”. Термины типа “дисциплина”, “специальность”, “отрасль”, “проблемная область” и проч. для многих исследователей в последней трети XX века стали обозначать, в первую очередь, конкретные интеллектуальные группировки и научные исследовательские коллективы²⁵. Категория “научное сообщество” становится ведущей характеристикой научной дисциплины, в которой, по сути, аккумулируются все прочие (не менее важные, но взаимосвязанные) параметры.

Анализ процессов институционализации научной дисциплины составляет одно из направлений современных дисциплинарных исследований. При всем многообразии подходов к дуэту “институционализация” – “научная дисциплина” вырисовывается некое единство в понимании исходных принципиальных моментов: 1) институционализация выступает в качестве важнейшего механизма, обеспечивающего интеграцию и воспроизводство научного сообщества, формирование ценностей “дисциплинарной ориентации ученых”, социализацию признанных ими норм и ценностей научной деятельности; 2) научная дисциплина рассматривается при этом как высокий уровень систематизации научного знания, связанный с осознанием единства “дисциплинарных идеалов”, с формированием научного сообщества, специфического типа научной литературы (обзоров и учебников), с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров, на котором складывается устойчивая коммуникативная система и др.; 3) перспектива изучения различных уровней организации науки ориентирована на утверждение нового образа науки – социокогнитивного и научной дисциплины как социокогнитивной системы, что детерминирует “социокогнитивный подход” к анализу науки и осознание единства социальных и когнитивных аспектов единого процесса институционализации; 4) институциональные процессы, безусловно, будут иметь свою специфику в зависимости от характера той или иной ветви научного знания, от национально-региональных особенностей научного (как части культуры) развития; при этом важно различать степень и формы когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности. Использование представления об институционализации и ее уровнях позволит выявить различия в “скорости” распространения определенных типов идей в разных видах когнитивной деятельности, их

²⁵ См.: Уолгар С. Идентификация и определение научных коллективов // Научная деятельность: структура и институты. – С. 200-201.

утверждения в качестве дисциплинарных канонов в общем процессе дисциплинизации конкретной области знания.

Ремарка-тезис 4: С 1980-х годов в теоретической литературе широкий резонанс приобретают идеи о новом типе организации науки – проблемном. Характерно, что идея “проблемного образа” науки утверждалась именно в то время, когда идея “дисциплинарного образа” науки приобрела свою теоретическую форму – были созданы “дисциплинарные модели” науки. Многие ученые сочли возможным сделать вывод о закономерной и неизбежной смене дисциплинарной организации науки – проблемной. Обращение к реальной практике научных исследований (почти повсеместно) заставляет с известной мерой скепсиса относиться к категорической форме тезиса о “смене” организационных форм науки. Нам представляется, что “дисциплинарный” и “проблемный” образы науки вряд ли стоит рассматривать исключительно как стадийные категории, ибо они – не альтернативные, но взаимодополняющие “ипостаси” науки. “Дисциплинарность” и “проблемность” – это достаточно взаимосвязанные явления в развитии науки, четко проявившие себя со времени ее институционализации. Эти два типа организации науки относительно автономны, но, дополняя и восполняя друг друга, они образуют, тем не менее, неразрывное целое – науку, многоструктурное и полисистемное образование.

Понятие о проблеме как “концентрированном выражении противоречий пространственно-временного развития” составляют сущность т.н. “проблемного подхода”, который с последней трети XX века получил акцентуализацию и внедрялся как в исследовательскую сферу, так и в процесс образования. Характерная черта проблемного подхода – комплексность, системность. В развитии науки “проблема” выступает в роли своеобразного “катализатора в интеграции научных дисциплин”²⁶.

Современная структура науки более напоминает “проблемно-дисциплинарный” тип организации. Ее “передний край” всегда организован проблемно и часто исследовательская проблема лежит на пересечении проблемных полей различных дисциплин, вызывая к жизни междисциплинарные методики. Дисциплинарная же организация науки – как арьергард, “жесткое ядро” (позволим себе воспользоваться этим понятием) – выступает в качестве канала, обеспечивающего социализацию достигнутых на когнитивном уровне результатов, превращая их в научные и культурные образцы.

При этом следует учитывать “двуликий образ” научной дисциплины, которая включает в себя свой “учебный лик” – наиболее “консервативный” с точки зрения своей функциональности: его главная цель – сохранение и передача традиций – “дисциплинарной матрицы”,

²⁶ См.: Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. – СПб., 1998. – С. 67.

воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки (“нормальных” – по Т.Куну) нормативах. В связи с этим, проблемно-дисциплинарная структура науки имеет три “фазы” научной деятельности с точки зрения “движения” знаний и их институционализации.

Первая – это “передний край” – проблемно-ориентированные исследования, осуществляющие “прорыв” в науке (отдельной отрасли): здесь возникает “вопрос” и формулируется исследовательская проблема в сообществе единомышленников, которые представляют собой институционально не оформленное “научное движение”, “невидимый колледж”. Новые идеи аккумулируются, апробируются в рамках *второй “фазы”* – научной дисциплины как исследовательской сферы дисциплинарной организации. На этом этапе идет “борьба” за утверждение нового направления, которое может состояться, конституироваться при поддержке институционально признанных дисциплинарных блоков. В этом случае происходит официальное оформление нового направления: создаются организационные исследовательские структуры (кафедры, секторы, отделы, лаборатории, которые обеспечиваются финансированием) и формируются новые парадигмальные образцы – теории, концепции, методы и проч.; издаются монографические работы – складывается историография новой проблемной области; получают распространение и признание в научном сообществе такие формы коммуникации как специализированные издания, конференции и т.п. Возможен второй вариант: под давлением конкурирующих направлений и “догматизации” парадигмальных основ – “хрестоматийного ядра” официально признанной научной дисциплины (возможен комплекс факторов “негативного” порядка) новое, еще не оформившееся “научное движение”, “исчезнет” или его развитие получит дискретный характер.

В рамках *третьей “фазы”* – учебной дисциплины – происходит закрепление (в случае признания новой области знания) новых концепций, идей и проч.; появляется “учебный лик” новой области в форме специальных курсов (в учебном процессе в российской и отечественной традиции, во всяком случае, практически все т.н. “общие” курсы строятся дисциплинарно, а “специальные” курсы – проблемно), семинаров, издается учебно-методическая литература, формируются специализации: начинается систематическая подготовка профессионалов по данной специализации. Эта “схема”, контурно очерченная, может быть выражена следующим образом:

ПДОН { ПСН & ДСН (НД + УД)

[проблемно-дисциплинарная организация науки – это проблемная структура науки & дисциплинарная структура науки, составляющие которой – научная и учебная дисциплины]. Разумеется, предложенная схема включает лишь общие линии институционализации научного знания на когнитивном (вопрос – проблема – гипотеза – теория – концепция) и социально-организационном уровнях (“инициативная группа” (“неви-

димый колледж”) – “научное движение” – “проблемно-исследовательский коллектив” – научное направления – научная область – научная дисциплина (дисциплинарное научное сообщество).

“Дисциплинарные идеалы” (“дисциплинарная матрица” по Т.Куну) – нормативные образцы – могут рассматриваться в качестве эквивалентов “экологических ниш”, направляющих силы отбора на биологические объекты. Поскольку “биологические ниши” являются динамично изменяющимися объектами, постольку, по мнению С.Тулмина, К.Хукера и других крупнейших специалистов по философии науки, в их динамике следует рассматривать и “дисциплинарные идеалы”, среди которых – “объяснительные идеалы”, называемые также интеллектуальной “политикой”. Именно они образуют те квалификационные требования, на основе которых формируются критерии “отбора” различных инноваций в науке – идей, методов, теорий и концепций (включая “историографические модели”)²⁷.

Проблемно-дисциплинарная структура в исторической науке – подвижна и отражает специфику региональных историографий различного уровня в контексте единого историографического процесса. Анализ проблемно-дисциплинарной структуры научных исследований позволяет: 1) выявить процессы складывания конкретных исследовательских программ, научных направлений и школ и формирования национальных комплексов научных дисциплин (с их специфичными самоназваниями, особенностями статуса в дисциплинарной иерархии и проч.); 2) осмыслить “разрывы” по тем или иным причинам “переднего края” науки и ее “жесткого ядра”, наличие “не состоявшихся” проблемных направлений, факторы пресечения институциональных процессов и проч.; 3) составить “картографию” научных дисциплин и, соответственно, дисциплинарных научных сообществ, их взаимосвязи и взаимовлияние, их трансформации и проследить функциональную реализацию их дисциплинарных доктрин.

P.S. Предложенная гипотетическая модель проблемно-дисциплинарной структуры науки предполагает учет следующих моментов: 1) проблемный и дисциплинарный уровни организации науки можно рассматривать как полярные (и при синхроническом анализе научной деятельности и при диахроническом подходе к ее изучению), но отнюдь не единственные: между ними, безусловно, существует целый ряд “промежуточных” форм и уровней; их репертуар (учитывая наличие “терминологического хаоса” не только в области родной исторической науки) определяется различными наименованиями исследовательских групп (сообществ), которые разнятся формами когнитивной доктринальности

²⁷ См.: Хахлвег К., Хукер К. Эволюционная эпистемология и философия науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С.174.

и социально-организованной интегрированности; 2) проблемно-ориентированный тип организации науки не исключает наличия “дисциплинирующих норм” и различного рода “регулятивов”, напротив, их наличие необходимо (хотя и имеет, безусловно, свою специфику по сравнению с дисциплинарным уровнем организации (как и с иными – “промежуточными”), ибо связано с “фактором институционализации”; 3) единство подходов к категориям “научная дисциплина” и “институционализация науки” будут способствовать проведению широких компаративистских исследований с учетом различных уровней региональности.